УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-5-16

Формальная логика, риторика и рациональная аргументация

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Теория аргументации предположительно должна быть связана с рациональностью. Традиционно рациональность определялась в связи с логикой, и в то же время была частью теории аргументации. Но и диалектика, в ее традиционном понимании, также связана с рациональностью. Таким образом, через рациональность обнаруживается связь двух дисциплин – риторики как учения об адекватной коммуникации и формальной логики как учения о сохранении истины от посылок к заключению. В этом единстве двух аспектов диалектической беседы выявляется связь формальных и содержательных аспектов аргументации как рационального основания научного исследования.

Ключевые слова

аргументация, логика, рациональность, истина, форма, содержание

Для цитирования

Карпович В. Н. Формальная логика, риторика и рациональная аргументация // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 5–16. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-5-16

Formal Logic, Rhetoric and Rational Argumentation

V. N. Karpovich

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The theory of argumentation is supposed to be related to rationality. Traditionally, rationality was defined in terms of logic, and at the same time considered an essential part

© В. Н. Карпович, 2019

of the theory of argumentation. But dialectic, in its traditional sense, is also associated with rationality. Thus, rationality reveals the connection between two disciplines, rhetoric as a theory of adequate communication and formal logic as a theory explaining the preservation of truth from premises to the conclusion. This unity of the two aspects of the dialectic conversation reveals the connection between the formal and material aspects of argumentation as a rational basis of scientific research.

Keywords

argumentation, logic, rationality, truth, form, content

For citation

Karpovich V. N. Formal Logic, Rhetoric and Rational Argumentation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 5–16. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-5-16

Двадцатый век – это век расширения области моделирования рассуждений, осуществляемого формальными методами. Основанием для этого стало возникновение новой логики, которая отличается от традиционной формальной логики и которую называли иногда математической, указывая на историческую связь этой логики с математикой, или символической, когда акцент делался на возможности формального моделирования рассуждений в других науках. Рассел, один из основателей этой логики, так характеризовал ее: «Название “математическая логика” и буду использовать для обозначения логической теории, объектом которой является анализ и дедукция арифметики и геометрии посредством понятий, которые очевидно принадлежат логике. Именно эту современную тенденцию я собираюсь здесь обсудить» [Russell, 1913].

Со временем логика расширялась, распространяясь с синтаксиса на семантику и далее прагматику. Но остался довольно старый и традиционный вопрос: охватывает ли дедуктивная логика всю область возможных приемов и методов аргументации? Есть ведь риторика, и есть диалектика в ее традиционном понимании как логика беседы, сократического диалога, ведущего к усматриваемой умом (душой) истине. И поэтому остается вопрос – отражает ли логическая теория методологические и стилистические особенности аргументации, в том числе и в науке, не говоря уже о политической полемике? Безусловно, есть методологические теории, которые используют логику для построения особой методологии науки, как, например, это сделал Поппер в «Предположениях и опровержениях» [Popper, 2002], используя особенности известного правила «отрицание следствия (modus

tollens)», или Лакатос в «Доказательствах и опровержениях» [1967]. Но и здесь могут возникнуть трудности с описанием особенностей аргументации. Простейший пример: Из условной посылки «Если А, то В» и утверждения В все-таки иногда можно вывести А, хотя это считается формальной ошибкой «утверждение следствия». Для этого достаточно вместо А подставить «Некоторые предметы принадлежат категории А», а вместо В – «Все предметы принадлежат категории В». Тогда утверждение следствия не будет ошибкой, поскольку известно, что из В следует А, а это обстоятельство формальным образом в тексте не отражено.

Главное в такой логике – формальность, трактуемая жестко, в пределе – чисто синтаксически, просто по одинаковому выражению в языке, написанию или произнесению, составляющих рассуждение понятий и суждений. В идеале, каждая правильно построенная последовательность знаков не должна быть двусмысленной. В частности, закон недопустимости противоречия не применим к сопоставлению слов «черное» и «белое», эти слова, взятые автономно, т. е. для обозначения самих себя, должны считаться разными на том основании, что они выглядят различно, а значит, человек, не знающий русского, не увидит в соединении этих слов противоречия. О противоречии в этом примере можно говорить только на другом, семантическом уровне формальности – когда, например, «черное» определяется как «не белое». Но и здесь не все просто: отрицание «не белое» формально представляет собой так называемое бесконечное отрицание, когда «не белое» может быть не черным, а, например, цветным, или прозрачным. Слитное написание частицы «не» с каким-то нарицательным именем дает, как известно, омонимы, и тогда приятель становится неприятелем, т. е. врагом. И вот уже здесь возникают трудности с формальной операцией превращения, как она определена в силлогистике Аристотеля: фраза «Он мне не является приятелем» может превратиться в утверждение «Он мне является неприятелем», если не добавить какую-то дополнительную характеристику, которая покажет, что частицу «не» надо писать отдельно, например, так: «Он мне не приятель, а только коллега».

Все подобные примеры показывают, что идеализации, принятые при формальном логическом анализе, не всегда отражают реальные правила аргументации. Преподавание логики в этом случае становится довольно трудной задачей из-за разрыва между логической теорией и реальной практикой аргументации в естественном языке. Например, в традиционной логике трудности начинаются с истолкования суж-

дений об отношении как атрибутивных – простая фраза «Стол находится правее шкафа» должна превратиться в простое категорическое суждение «Стол является предметом, находящимся правее шкафа», с двумя терминами, слева и справа от связки «является». Даже такие простые формулировки могут представлять трудность, поскольку не очень естественны. В логике предикатов обратная ситуация – чтобы сказать, что какой-то человек, например, выше остальных людей в комнате, надо сначала доказать существование и единственность этого самого высокого человека, поскольку существование определяется по наблюдаемым свойствам и отношениям. Даже аккуратно отрицать существование поименованного предмета не удастся: фраза «Кашея нет» противоречива, потому что получится, что есть такое существо, которого зовут Кашей, и которое вдруг оказывается не существует. Именно по этой причине получила известность так называемая «теория определенных дескрипций» Рассела. Согласно ей все собственные имена представляют собой скрытые описания, составленные из нарицательных имен, и существование охарактеризованных таким образом предметов проверяется по наличию в предметной области объектов, обладающих соответствующими свойствами. Так, имя «Аристотель» обозначает и расшифровывается как описание «учитель Македонского и ученик Платона». Если вдруг обнаружится, что таких людей было двое или вообще не было в описанном месте и указанном времени, то Аристотеля не было, и наше привычное понимание имени «Аристотель» и представление о существовании такого человека просто ошибочно. Этот пример здесь приведен потому, что отрицание существования исторической личности или объекта основано на трактовке собственного имени объекта как описания, и это открывает возможность опровергать существование объекта. Ярким примером использования такого приема служат труды сторонников альтернативных трактовок истории и авторов «новых хронологий».

На самом деле вопрос о логике аргументации не случайно был выше охарактеризован как возникший далеко не сейчас. Уже сам Аристотель, будучи основателем формальной логики как науки, признавал необходимость более широкой «логики», а именно, некоторых дополнительных аргументативных правил, и в отличие от аналитики, писал о диалектике, точнее, о диалектических рассуждениях. Это уже особая система правил, и она обсуждается в сочинениях Аристотеля «Риторика», «Топика» и «Софистические опровержения».

И здесь опять вопрос: как следует назвать эту новую дисциплину? Риторика – это слишком широко и конфликтует с восходящим к Пла-

тону пониманием риторики как науки об убедительности, а не истинности (Платон, *Апология Сократа*). Термин «диалектика» тоже сомнителен, поскольку сейчас чаще употребляется совсем не в том смысле, как это было при Аристотеле. У Гегеля и Маркса – это уже скорее онтология, возможно гносеология, но в любом случае нечто большее, чем наука об аргументации, каковой считалась логика. У самого Аристотеля в «*Топике*» фактически отсутствует беседа, и это уже не диалектика Платона, не взаимодействие идей или столкновение аргументов. Так что, пожалуй, «теория аргументации» – действительно самое подходящее название для учения о способах обоснования утверждений, выходящих за пределы формальной логики. И оно уже используется в таком смысле, например, в сравнительно недавно вышедшей монографии [Лисанюк, 2015].

Аналогичный вопрос о терминологии и различии методов обоснования возник в Средние века. Под диалектикой тогда понимали широко трактуемую логику, теорию познания, включающую как дедуктивную логику, так и элементы «логики открытия», выражаясь современным языком, и все это вместе назвалось «тривиум».

Знаменит в этом отношении Петр Рамус, популярный в XVI в. и позже философ и педагог, который трактовал диалектику, часть учебного комплекса тривиума, как предмет, охватывающий все формы рассуждений, и поэтому включал туда и собственно диалектические, и строго аналитические методы, если употреблять терминологию Аристотеля. Риторику он не считал наукой об обосновании, относил ее к искусству устной речи, ее украшения, вполне в духе Платона, как это представлено в самом начале «*Апологии Сократа*», одного из ранних диалогов Платона. С этого времени, в сущности, после Петра Рамуса, риторика стала считаться предметом, в котором изучаются литературные формы и способы выражения, и постепенно отделилась от философии. Зато диалектика включала не только логику, но и элементы истолкования текстов с целью уточнения их смысла и адекватного его представления в формальных логических структурах.

В отличие от риторики, логика процветала и разрасталась на основе Аристотелевой аналитики, как философская дисциплина. А интерпретационную, не аналитическую часть диалектики, Петр Рамус выделил как составляющую диалектики, определяющую собой необходимое условие практического применения логики. Возможно, сейчас это следовало бы сделать под другим именем, с целью объединить (соединить) приемы достижения убедительности речи, т. е.

некоторые фигуры риторики, с формальной логикой. Такое предложение возникает из простого факта. Дело в том, что частичное заимствование риторических приемов в диалектике Рамуса очевидно. А это значит, что его определение риторики как чистой «литературщины» и украшения хотя и соответствует некоторой традиции, но упускает из виду, что, по существу, некоторые риторические фигуры – это сокращенные, сконденсированные логические правила, и именно поэтому они могут использоваться в речи как эффективные способы убеждения слушателей. Не следует безусловно противопоставлять риторику и логику, на самом деле между ними есть пересечения.

Критика логики Аристотеля в позднем Средневековье была довольно распространенным явлением, Петр Рамус не был в этом одинок. Напротив, современная логика, которая значительно расширилась по сравнению с аналитикой Аристотеля, в XX в. приобрела особую популярность. Но как быть с дисциплиной, которую Аристотель назвал диалектическим обоснованием? И что делать с риторикой? Вопрос в том, как связать дискурс обоснования истинности с риторикой, понимаемой как средство украшения речи и достижения согласия, порой вопреки истине (ср. характеристику риторики в «Апологии Сократа»), с одной стороны, и с формальной логикой – с другой. Представляется, что Рамус слишком сместил акценты, когда утверждал, что фигуры речи являются просто декоративными и не могут считаться аргументацией. На самом деле это аргументы, представленные в своеобразной сжатой форме, с возможными специально подобранными языковыми средствами, и это объясняет, почему фигуры речи используются в качестве эффективных методов убеждения. В конце концов, истина тоже должна быть изложена доступным, понятным и убедительным способом.

Поэтому вопрос стоит так: как связаны логика аргументации с формальной логикой. Диалектический аргумент может быть оценен как сильный или слабый, релевантный или не относящийся к делу, но он не обладает качеством неопровержимости или самоочевидности, которое характеризует аналитическое (логическое) доказательство. Кроме того, в формальной логике все, что вызывает противоречия, должно быть устранено, что требует изобретения искусственного языка с формальными правилами для манипулирования символами и формирования четко определенных предложений.

Аргументация, по смыслу слова – это процесс, динамическое развертывание статических формальных структур в процессе общения, в котором значимы и языковые, и психологические, и культурные

факторы. Это обширная область рассуждений, относящихся к столкновению мнений, критике и различного вида обоснованиям противопоставленных или сравниваемых точек зрения, и к доказательствам, с помощью которых стороны пытаются друг друга в чем-то убедить и найти основания за и против своих взглядов в ходе обсуждения, личных или общепринятых. Поэтому неудивительно, что для исправления пагубных последствий описанных выше трансформаций утверждений естественного языка при их переводе в язык формул, мы должны попытаться дополнить формальную логику, которая рассматривается как теория «демонстративных» умозаключений и их цепочек (доказательств) риторическими приемами, которые вместе с логикой образуют теорию аргументации. Хороший пример подобных дополнений представляет употребление риторических названий «конструктивный» или «деструктивный» силлогизмы для того, что обозначают в логике как утверждение основания (модус поненс) и отрицание следствия (модус толленс), соответственно. Сами названия уже показывают, что конструктивный силлогизм применяется для утверждения некоторого мнения, а деструктивный – для опровержения. И далее этот прием уже применяется к другому виду умозаключений – дилеммам, которые тоже делят на конструктивные и деструктивные, указывая при этом прямо в названии, что конструктивная дилемма состоит из двух конструктивных, а деструктивная – из двух деструктивных силлогизмов. Таким образом, сухие логические схемы превращаются в риторические приемы, содержащие прямое указание на способ использования этих схем как средства убеждения или опровержения оппонента.

Соотношение формальной логики и подразумеваемой здесь теории аргументации можно пояснить соответствующими различиями между ними. Так, важным условием для построения системы формальной логики является предварительное устранение любой трудности, которая может помешать применению формализма, за счет использования предшествующего толкования и принятии соответствующих решений о его правомерности. По этой причине язык формальной логики должен с самого начала исключать любую неясность или многозначность. Поэтому, когда говорят, что « $A = A$ » или что « A или не- A » всегда верно, вовсе не устанавливается какой-то особый закон природы, а просто предписывается, что в каждой из этих формул одинаковые символы должны быть заменены одинаковыми объектами или суждениями для выражения равенства (тождества) объектов или для разделения и отрицания суждений. Сами формулы показывают, что непра-

вильная подстановка приведет к неправильному логическому анализу символических (формализованных) выражений (формул), а соответствующая символика указывает, что разная интерпретация в данном случае просто запрещена.

Когда речь идет о естественном языке, это условие не обязательно выполняется. Предполагается, что одно и то же слово имеет одинаковое значение при всех его вхождениях в текст, но при этом допустимы аргументы, показывающие, что это предположение нарушено. Таким образом, представляется нормальным отступать от презумпции однозначности всякий раз, когда эта однозначность может сохраняться только ценой возникающей логической непоследовательности, очевидной тривиальности или неприемлемости по каким-то другим соображениям, например, трудности понимания текста. В качестве последнего обстоятельства хочется привести пример одного из текстов, когда человек говорит о том, что группа людей «делит» между собой убеждения, имея в виду, что эти люди разделяют одинаковые убеждения. В данном случае английское «share», указывающее на общность убеждений, было передано русским словом, которое ближе по значению к английскому «divide», когда в группе выделяются подгруппы, имеющие различные убеждения. Этот пример взят из реального текста, произнесенного в телевизионной передаче, и из вопросов зрителей по поводу смысла сказанного.

Мы обычно сомневаемся в том, что разумный человек может утверждать что-то, что на первый взгляд кажется нам противоречием. Так, когда философ говорит, что невозможно войти в одну и ту же реку дважды, мы пытаемся избежать очевидного противоречия, толкуя выражение «одна и та же река» двумя различными способами. Один раз река – это географическое место, а другой – это поток, содержащий ту же воду, что была в нем раньше. Когда мы слышим высказывание «война есть война», мы понимаем, что оно мыслится не как тавтология, а суждение, призванное оправдать поведение, неприемлемое в мирное время, и мы не смогли бы этого сделать, если бы считали это предложение непосредственным применением логического закона тождества. Паскаль в «Мыслях» пишет следующее: «Когда истинное слово Господне ложно по букве, оно верно по духу» [1995. С. 153], и таким образом призывает искать другое, не буквальное, но подразумеваемое истолкование библейского текста, что позволяет понять заложенную в нем глубокую истину.

Думается, что известное утверждение из доклада Л. И. Брежнева по поводу того, что «экономика должна быть экономной», тоже

не тавтология, как оно часто квалифицировалось различными критически настроенными комментаторами. Скорее, это призыв к рациональному ведению общественного хозяйства, который действительно был на тот момент актуальным, как показали дальнейшие события.

В отличие от искусственных языков, в естественных языках односточность знаковой репрезентации мысли не является обязательным условием приемлемости текста. В результате, всегда возможно предложить иное толкование слов и предложений, и это не позволяет заявить окончательно и бесповоротно, что предложенный собеседником тезис по формальным основаниям является истинным или ложным. Право и теология дают множество примеров того, как по разным на то причинам буквальное прочтение законодательства или священного текста оказывается неприемлемым.

Системы формальной логики содержат правила вывода, которые позволяют передать эпистемически значимое свойство (истина, вероятность, модальность) от посылок к заключению. Однако где гарантии, что посылки обладают требуемым свойством? Классические логики доверяют самоочевидности в качестве гарантии истинности аксиом, которые рассматриваются как основания той или иной научной дисциплины.

Но уже Аристотель признавал, что если собеседник отказывался признавать такие аксиомы истинными, то нужно предложить основания и аргументацию, чтобы убедить его в обратном. Диалектика представляет собой «способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение». Будучи «способом исследования, она прокладывает путь к основам всех учений» – так пишет о диалектике Аристотель во фрагменте 101 «Топики» [1978. С. 341–342]. В этом методологическом смысле риторика как бы входит в диалектику, а диалектическая аргументация, по Аристотелю, – основа риторики

Такое положение вещей указывает на то, что нужно различать аргументацию как способ убеждения и так называемую «демонстрацию», т. е. логически правильное выведение заключения из посылок. Формальная дедуктивная теория, и не только в логике или математике, может быть построена независимо от согласия по поводу истины, и доказательство в подобных случаях просто свидетельствует о последовательности в рассуждениях, ведущих к новым положениям, но опирающимся на логику произвольно выбранные аксиомы или новые факты [Шлик, 1993].

Явное согласие с исходными принципами или фактами, которое в диалоге всегда представляет собой согласие собеседника – это единственный способ убедить его в том, что ваше рассуждение не является логической ошибкой, которая известна под названием *petitio principii*, т. е. повтор в заключении того, что предположено в посылках. Сама по себе просьба заранее согласиться с аксиомами – это очевидное нарушение законов аргументации. В то время как закон тождества, выраженный формулировкой «если А, то А» логически правилен, так как требует неизменности выдвинутого тезиса, просьба о согласии с тем, что еще подлежит доказательству, несомненно представляет собой *petitio principia*.

Любая формальная система логики построена на предпосылке, что истинность утверждений системы объективна и не может в силу законов логики противоречить другому утверждению этой же системы. Однако при объяснении фактов, которое тоже представляет собой некоторый вывод, нет гарантии того, что полученное в процессе вывода новое утверждение не окажется несовместимым с другим утверждением системы, которое также принимается как истинное.

В принципе несовместимость подобного рода еще не означает существования формального противоречия, особенно в естественно-научных и общественных дисциплинах, но лишь фиксирует тот факт, что два утверждения не могут одновременно относиться к одной и той же ситуации. В этом, между прочим, состоит суть косвенного доказательства, основанного на принципе *ad absurdum*, когда допускают как гипотезу ложность некоторого положения, а затем выводят из этого противоречие, на основании чего считают допущение ложности неверным. Как пример конфликта утверждений, можно привести моральные правила, одно из которых запрещает ложь, а другое требует повиновения требованиям родителей, вроде формулы «чти отца и мать своих». Достаточно предположить, что родители рекомендуют в какой-то ситуации солгать. Вообще, конфликт норм – случай далеко не редкий, и когда он неизбежен, приходится делать выбор, а значит, ограничивать область применимости, по крайней мере, одного из положений, выбирая из двух зол меньшее.

На самом деле исходные согласованные положения должны быть выражены явным образом в некотором языке, и тогда согласие с ними означает и согласие со смыслом (истолкованием) используемых слов или других значащих выражений. Оба эти соглашения суть необходимые условия для продолжения диалога. Когда обнаруживается несогласие в истолковании терминов, аргументация используется

для устранения несоответствия путем выбора одной из интерпретаций. Таким образом, аргументированный диалог способствует достижению согласия сторон, что, собственно, и является его целью. Сам диалог может служить согласию по поводу фактов или ценностей, в частности моральных (как это описано у Айера в книге «Язык, истина и логика» в гл. 6 «Критика этики и теологии» [Ayer, 1952. Р. 102–120]). Это же относится к научным теориям, правовым и теологическим доктринам, в том числе к вопросу о правильном истолковании догматических текстов из разных областей культуры.

При сравнении формальной логики и риторики, доказательных методов и техники аргументации обнаруживается, что логическая демонстрация разворачивается в некоторой замкнутой целостной системе, при построении которой все проблемы истолкования и выбора смыслов уже решены. Наоборот, при аргументации речь идет о положениях, уже принятых участниками диалога, когда сами обсуждаемые позиции сторон не представляют собой в достаточной степени определенных и окончательно установленных истин. Поэтому при аргументации можно подвергать сомнению некоторые из обсуждаемых утверждений, если в этом возникает нужда. Именно поэтому аргументация никогда не является внеличной, механической или законченной, но лишь более или менее сильной или слабой. Ее значимость возникает при сопоставлении порой совершенно противоположных мнений и установок и определяется этим сопоставлением. Логическая демонстрация – это разворачивания содержания единой системы понятий и утверждений, единого концептуального аппарата и согласованной системы утверждений, состоящих из понятий выделенного фрагмента языка, содержащего только термины определенной области знаний. Логическая демонстрация монологична, она направлена на сохранение истинности от посылок к заключению, аргументация же диалогична, состоит из столкновения мнений. Отсюда становится понятным, почему, например, при вынесении приговора третьим лицом или принятии решения самими участниками диалога необходимо предварительно понять позиции сторон для того, чтобы решить вопрос либо на основании процедурных особенностей диалога, либо на основании содержания доводов состоящих сторон. Само решение приводит к совершению лично или публично значимых поступков в соответствующей области деятельности или в обсуждаемой предметной области, в том числе просто к согласованию позиций по разным вопросам – научным, политическим, правовым, этическим, философским или религиозным.

Список литературы / References

- Аристотель.** Толика // Аристотель Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1978. С. 349–351.
- Aristotle.** Topika [Topika]. Compositions: In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1978, p. 349–351. (In Russ.)
- Лакатос И.** Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. М., 1967.
- Lakatos I.** Dokazatelstva i oproverzheniya. Kak dokazyvayutsya teoremy [Proofs and Refutations. How Theorems are Proved]. Moscow, 1967. (In Russ.)
- Лисанюк Е. Н.** Аргументация и убеждение. СПб., 2015.
- Lisanyuk E. N.** Argumentatsiya i ubezhdenie [Reasoning and Persuasion]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.)
- Паскаль Б.** Мысли. М., 1995.
- Pascal B.** Mysli [Thoughts]. Moscow, 1995. (In Russ.)
- Шлик М.** О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993. С. 34–36.
- Shlik M.** O fundamente poznaniya [On the Foundation of knowledge]. In: Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow, 1993, p. 34–36. (In Russ.)
- Ayer A.** Language, Truth, and Logic. New York, 1952.
- Popper K. R.** Conjectures and refutations. The Growth of Scientific Knowledge. London, 1963; New York, 2002.
- Russell B.** The philosophical importance of mathematical logic. *The Monist*, 1913, vol. 23, p. 481–493.

Материал поступил в редколлегию

Received

22.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Карпович В. Н., Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Valentin N. Karpovich, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kkvvn@gmail.com